

Лебедева Юлия Николаевна

ОСОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ ПОВТОРЕНИЕ: БЮРГЕРСКОЕ НАЧАЛО В РОМАНАХ ТОМАСА МАННА

В статье рассматривается изображение бюргерского мира и его структурная роль в романах Томаса Манна "Будденброки", "Признания авантюриста Феликса Круля" и "Волшебная гора". Особое внимание при этом уделяется изменениям трактовки бюргерского на повествовательном уровне. Знакомое по первому роману изображение бюргерского мира подвергается остранению путем повторения повествовательных структур и формулировок в более поздних романах. За счет этого происходит осмысление и дальнейшее развитие темы бюргерского в творчестве Томаса Манна.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 119-121. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

9. Шалит И. Почему так трудно переводить технические тексты (вторая причина). Заметки о техническом переводе [Электронный ресурс]. URL: <http://i-shalyt.livejournal.com/1866.html> (дата обращения: 07.01.2013).
10. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 206 с.
11. Ширяев А. Ф. Синхронный перевод: деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.
12. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / под общ. ред. В. Н. Комиссарова. М.: МО, 1978. С. 16-25.
13. Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. Bloomington: INDIANA UNIVERSITY PRESS, 1984. 242 p.
14. Seleskovitch D., Lederer M. Interpreter pour traduire. Paris: Didier Erudition, 1993. 311 p.

ON THE CONTENT OF THE TERM "INTERPRETATION" IN TRANSLATION THEORY AND LANGUAGE THEORY

Kutyayeva Ol'ga Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Katanov Khakass State University
kutyayeva@yandex.ru

In the article the propositions of language theory and translation theory which determine the essence of interpretation as an integral component of the process of translation are analyzed. The author makes an attempt to explain the difference of reality reflection corresponding to the discourse of expert community in the translator's consciousness and in the consciousness of specialist – member of the expert community. By the example of translation discourse it is showed how the specialist expresses intuitively the surrounding professional reality through the image formed in the process of allegorization.

Key words and phrases: theory of language; theory of translation; interpretation; discourse of expert community; translator's consciousness; specialist's consciousness; allegorization; symbolization.

УДК 82.091

Филологические науки

В статье рассматривается изображение бюргерского мира и его структурная роль в романах Томаса Манна «Будденброки», «Признания авантюриста Феликса Круля» и «Волшебная гора». Особое внимание при этом уделяется изменениям трактовки бюргерского на повествовательном уровне. Знакомое по первому роману изображение бюргерского мира подвергается острашению путем повторения повествовательных структур и формулировок в более поздних романах. За счет этого происходит осмысление и дальнейшее развитие темы бюргерского в творчестве Томаса Манна.

Ключевые слова и фразы: бюргерство; габитус; повторение; повествование; повествователь.

Лебедева Юлия Николаевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
julia.leb@gmail.com

ОСОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ ПОВТОРЕНИЕ: БЮРГЕРСКОЕ НАЧАЛО В РОМАНАХ ТОМАСА МАННА[©]

Принесший Томасу Манну известность и Нобелевскую премию роман «Будденброки» изображает замкнутый, органичный мир бюргерского патрициата старой Ганзы. Своей органичностью роман обязан форме семейной хроники и перспективой, из которой ведется повествование и которая исходит из тех же жизненных норм, что и изображаемый бюргерский мир. Этот эффект объясняется не только габитусом самого писателя, но и тем, что он позволил в своем романе прозвучать чужим голосам. В «Будденброках» это, прежде всего, слово любекских бюргеров, в том числе и предков писателя. Однако это еще не осознанный диалог в пространстве собственного текста; семейные бумаги, с которыми Томас Манн работал при написании своего первого романа, скорее служили образцом структуры повествования и построения сюжета.

В дальнейшем Томас Манн с его привычкой оглядываться на прошлые творения и проживать собственное творчество как непрерывное писательство осознанно прибегал к уже однажды изображенным картинам бюргерской жизни. Эту закономерность можно отчетливо проследить, даже если ограничиться романном творчеством писателя. «Приключения авантюриста Феликса Круля», начатые в 1912 г., обязаны своим затаенным сюжетом «бюргерской смерти» героя, исключившей его из бюргерского общества. В «Будденброках» эта же участь была уготована охотнику за приданным Бендиксу Грюнлиху. Первый муж Тони Будденброк и Феликс Круль даже говорят похожим образом: Грюнлих надевает на себя личину чужого языка, чтобы очаровать родителей богатой невесты, а Феликс Круль в своей автобиографии добивается любви читателя, прибегая к единственно доступному ему средству – языку, достойному звучать в самых лучших домах.

Пересечение границы между привычным бюргерским миром и миром санатория Бергхоф лежит в основе «Волшебной горы», начатой приблизительно в то же время, что и роман о Феликсе Круле. Ганс Касторп и Феликс Круль не просто выходят за рамки привычного мира, но освобождаются из-под его диктата, требующего от индивида работы и результата. При этом Феликс Круль нуждается в бюргерском мире, чтобы осуществлять свои авантюры, а Ганс Касторп живет за счет бюргерского капитала своих предков; существование санатория «Бергхоф» возможно только в рамках старого довоенного уклада, который для Томаса Манна неразрывно связан с бюргерским миром. Наличие этого мира, таким образом, необходимое условие романной событийности.

По сравнению с «Будденброками», где события были сконцентрированы в унаследованном и знакомом мире богатого бюргерства, здесь меняется условие событийности: оба протагониста покидают пределы родительского мира. Этот мир теряет собственную безотносительную значимость и становится важен, прежде всего, как четкая, знакомая и потому хорошо определяемая предпосылка, необходимая для развертывания повествования. В чем-то такой прием схож с промыслом Феликса Круля, обкрадывающего богатую публику в шикарных отелях. Противопоставление бюргерского и небюргерского, в каком бы виде оно ни представляло, переносится на уровень повествовательной структуры. Таким образом, бинарная оппозиция, лежавшая в основе первых изображенных Т. Манном характеров (прежде всего, образа художника-бюргера), переносится на иной уровень. Теперь она лежит в основе сюжета и системы персонажей, а не характера отдельного персонажа. При этом оппозиция бюргерского – небюргерского не теряет своей значимости, но освобождает и героя, и повествователя от сковывающих и упрощающих рамок бинарного противопоставления. Для полного исчезновения бюргерского мира мало заставить героя выйти за его рамки, но этого достаточно, чтобы освободить потенциал рассказываемой истории.

Изображение бюргерского мира в обоих романах практически повторяет картину бюргерского универсума Будденброков. Этот мир существует в той же системе координат, отбор значимых элементов следует той же логике, что и полтора десятилетия до этого, но не просто воспроизводит эту логику, а скорее размышляет о ней. Об этом изменении свидетельствует, прежде всего, увеличение дистанции между повествователем и повествуемым миром, усиление иронии, а также игровой момент, присутствующий в подобном тасовании старых карт. Потеря органичной сопричастности бюргерскому миру привела, с одной стороны, к повторению старых приемов, будто нового взгляда на бюргерский мир быть уже не может; а с другой стороны, заставила писателя пристальнее приглядеться к собственным словам, заново взвесить их уже на иных весах.

Обвинение в нехватке оригинальности предьявляется Томасу Манну чаще всего не из-за повторений; исследователи обычно обращают внимание не столько на самоцитирование, сколько на активную компиляцию и использование источников. Наметившийся уже в «Будденброках» творческий метод обогащения собственных текстов чужим словом особенно ярко проявился в «Волшебной горе», включающей целые пассажи из медицинской энциклопедии. Ханс Вюзлинг описывает свое первое впечатление после начала работы в только что созданном архиве Томаса Манна в Цюрихе таким образом: «Когда стал известен метод работы Томаса Манна, мы оказались в полнейшей растерянности... Так значит, все произведения Томаса Манна были набитыми чучелами?» [3, S. 373]. Чужие слова и мысли, наполняющие тексты писателя, служат той же цели, что и самоцитирование, и приводят не к исчезновению смыслов, но к их наращению, к обогащению связей, пронизывающих само произведение и связующих его с наследием писателя и культурно-историческим контекстом его творчества.

Тема бюргерского в этом отношении не исключение. Повторение приемов из юношеского романа в «Признаниях авантюриста» и «Волшебной горе» свидетельствует не о ее исчерпанности, но о динамике и переходе на иной уровень осознанности. Показательна при этом и устойчивость повествовательных образцов, которая делает возможным подобные художественные деформации.

Изображение «нижнего мира» в «Волшебной горе» вынесено за пределы основной истории. При этом граница между мирами проводится еще во вступлении, где повествователь представляет своего героя, «просто молодого человека» и его историю, принадлежащую «давно прошедшему» [1, т. 3, с. 12] времени. Тем не менее бюргерское начало становится предметом размышлений и своеобразного анализа не только в предыстории или в игровом самоцитировании второй главы, но и в рамках основного повествования в романе. Сама система персонажей организована, во многом исходя из бюргерской предыстории протагониста; также и точка зрения на собравшееся в санатории Бергхоф общество зачастую исходит из бюргерских представлений как некой привычной, не подвергающейся сомнению нормы.

В начале романа носителем этой точки зрения является протагонист. С течением повествования он все дальше отходит от бюргерского мировоззрения, но это не отменяет важности первого впечатления, которое читатель получает о «верхнем мире» благодаря прибывшему на каникулы молодому северонемецкому инженеру. Кроме Ганса Касторпа, заботу о приличиях не только проявляет, но и постоянно озвучивает, тем самым подтверждая их значимость, Людовико Сеттембрини. В его понимании хорошие манеры являются выражением человеческого достоинства и просвещенности. Подобная интерпретация кажется абсолютной противоположностью этосу должного, строгости манер в темных комнатах Ганса Лоренца Касторпа. Однако в «верхнем» мире это противопоставление снимается: понятие бюргерского расширяется и одновременно релятивируется благодаря фигуре Сеттембрини и его спорам с Нафтой.

Бюргерские представления в «Волшебной горе», как и в более ранних романах Томаса Манна, характерны не только для героев, но зачастую и для самого повествователя, несмотря на его ироничную отстраненность.

К примеру, оценка Клавдии Шоша определена происхождением Ганса Касторпа. Ее жизнь скандальна и неприемлема в рамках бюргерского мира, изображенного во второй главе романа. Однако по сравнению с пациентами Кроковского, воспринимающими физическую близость как терапию, и многочисленными романами между пациентами санатория образ жизни мадам Шоша перестает казаться скандальным. К концу романа она и вовсе теряет былую свободу и становится похожа на полного предубеждений Ганса Касторпа, каким он приехал в Бергхоф. Эта неоднозначность образа мадам Шоша, однако, прочитывается уже в первой характеристике, благодаря иронии повествователя. Повествователь оценивает героиню с точки зрения только что приехавшего Ганса Касторпа и Йоахима Цимсена, он словно прячется за объяснениями, почему «внук Ганса Лоренца Касторпа» (*перевод автора статьи – Ю. Л.*) [2, Вд. 5.1, S. 219] не мог с одобрением смотреть на русскую гостью. Совмещение перспектив создает ироничную неоднозначность, балансирующую между принятием и отторжением резких и не совсем искренних выводов Ганса Касторпа.

Показательно, что все эти характеристики относятся исключительно к стилю жизни, то есть носят внешний характер. Даже неясные отношения мадам Шоша с мужем сведены к внешнему: отсутствию обручального кольца и месту жизни вдалеке от дома. Мерой суждения при этом выступает бюргерский габитус, символом которого в романе выступает «нижний мир».

Если в «Будденброках» повествователь имел дело с однородным социальным пространством и выходил за пределы мира ганзейского бюргерства только в пространство искусства, то в «Волшебной горе» само усложнение проблематики бюргерского мира предполагает более сложное и трудноопределимое отношение к нему. Важность и неоднозначность проявлений бюргерского габитуса на уровне повествования при этом во многом связаны с преодолением изначальной симпатии, отличающей повествование в «Будденброках». Положительное отношение к бюргерскому началу, однако, не сменилось на резко отрицательное, оно скорее вышло за пределы этих полюсов.

Пристальный взгляд на замкнутый мир северонемецкого бюргерства из «Будденброков» и второй главы «Волшебной горы» сменяется панорамным взглядом на культурно-исторический ландшафт Европы. Эта смена перспективы примечательна тем, что изображение северонемецкого бюргерства не переходит в изображение бюргерства европейского или хотя бы общенемецкого. Последнее остается идеей, абстрактной величиной.

Так, тема бюргерского поднимается в психоаналитических лекциях доктора Кроковского и в спорах Сеттембрини и Нафты. По сравнению с бюргерским миром ганзейского города это новые контексты, в которых предстает бюргерское начало. Таким образом, оно, с одной стороны, определяется характеристиками этих персонажей и, в частности, их происхождением, столь отличным от происхождения Ганса Касторпа. С другой стороны, за счет включения в культурно значимые контексты бюргерство перерастает уровень индивидуального и выступает как социальная и культурная сила.

В лекции доктора Кроковского парафразируются пассажи из «Трех очерков по теории сексуальности» З. Фрейда, и в ней кратко излагается почерпнутая из психоанализа теория подавления аффектов как источника болезни, которая в то же время составляет основу сцены, изображающей пациентов санатория, с жадным вниманием внимающих лекции о любви. Показательно при этом оговорка повествователя, который, пересказывая речь Кроковского, говорит: «душевное сопротивление и коррекция... инстинкты приличий и порядка – здесь он вполне мог бы сказать *бюргерского толка*» (*перевод и курсив автора статьи – Ю. Л.*) [Ibidem, S. 194]. Мысль Просвещения и социальные теории коммунизма звучат в романе в рамках теоретических прений Нафты и Сеттембрини, а значит, как и психоанализ, изначально предстают как чужое слово и довольно четко связаны с определенной языковой ситуацией, даже жанром – лекции или спора.

По сравнению с семейными бумагами, легшими в основу «Будденброков», все это новые контексты для темы бюргерского. Возможно, именно это обстоятельство объясняет дистанцированность повествователя по отношению к ним. Знакомое по первому роману изображение бюргерского мира подвергается острашению также путем повторения повествовательных структур и формулировок, что свидетельствует об осмыслении Томасом Манном собственного художественного опыта.

Список литературы

1. **Манн Т.** Собрание сочинений: в 10-ти т. М., 1959.
2. **Mann Th.** Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Frankfurt/Main, 2002.
3. **Wysling H.** 25 Jahre Arbeit im Thomas-Mann-Archiv. Rückblick und Ausblick // Internationales Thomas-Mann-Kolloquium 1986 in Lübeck, Ern. 1987. S. 370-380.

REALIZATION THROUGH REPETITION: BURGHER BASIS IN THOMAS MANN'S NOVELS

Lebedeva Yuliya Nikolaevna
Lomonosov Moscow State University
julia.leb@gmail.com

In the article the picture of burgher world and its structural role in Thomas Mann's novels "Buddenbrooks", "Confessions of Felix Krull" and "The Magic Mountain" are considered. Special attention is paid to the changes of burghers' interpretation at the narrative level. The familiar from the first novel image of burgher world is undergone a removal by means of repetition of narrative structures and formulations in later novels. Owing to this, the realization and further development of the theme of burghers in Thomas Mann's creativity occur.

Key words and phrases: burghers; habitus; repetition; narration; narrator.